

А.П. ЧЕХОВ. ТРАДИЦИИ И ТВОРЧЕСТВО

О Чехове продолжают спорить. И не только о фактах его биографии или отдельных произведениях. Сам пафос чеховского творчества, его направленность нередко истолковываются по-разному. Многие из современных читателей вполне разделяют мнение Л. Шестова о Чехове как писателе, который «упорно, уныло, однообразно в течение всей своей почти 25-летней литературной деятельности <...> только одно и делал: теми или иными способами убивал человеческие надежды»¹. Но существует и другая точка зрения. Суть ее — в словах А. Моруа, назвавшего Чехова художником, помогающим сохранить надежду даже на грани отчаяния.

Таков один из контрастов восприятия. Есть и другие, не менее резкие.

Кто-то считает его холодным, бесстрастным наблюдателем, а кто-то, наоборот, видит в его произведениях теплоту и всепроникающую жалость. Мнение Н.К. Михайловского, писавшего «...Чехову все едино — что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца»², противоположно оценке Ю. Айхенвальда, почувствовавшего, что в грустных глазах Чехова мир был достоин акафиста: «... любовь просвечивает через ту объективную строгость, в какую облекает Чехов свои произведения»³. Современник писателя утверждает, что «он преисполнен жалости и *сострадания*»⁴. Исследователь нашего времени убежден в ином: «"Идея", "обязательство", "долг", "тенденция" — словом, все специфические, болезненные особенности русской интеллигенции, этого атеистического "прогрессивного" рыцарского ордена, нашли в Чехове жесточайшего гонителя <...> жестокость Чехова-наблюдателя повергала в отчаяние его самого»⁵.

В разговоре с Буниным Чехов как-то обронил, что читать его будут семь лет. Сказавший о многих горьких истинах, в их числе о забвении, которое действительно нередко ожидает человека, в

¹ Шестов Л. Творчество из ничего (А. П. Чехов) // А. П. Чехов: pro et contra. СПб., 2002. С. 567.

² Михайловский Н. К. Об отцах и детях и о г-не Чехове // Там же. С. 84.

³ Айхенвальд Ю. И. Чехов // Там же. С. 727.

⁴ Философов Д. В. Липовый чай // Там же. С. 853.

⁵ Нива Ж. Чеховская «шагреновая кожа» // Нива Ж. Возвращение в Европу. М., 1999. С. 55–63.

данном случае он ошибся. XX век, особенно его вторая половина, в значительной мере прошли под знаком Чехова. Его взгляд на жизнь, тип его героя оказались поразительно близки людям нашего времени.

Чехов писал о «самом важном в жизни», чем на поверку выходит «самое обыкновенное в ней, т. е. везде бывающее и чему суждено навсегда остаться»¹. Чеховская сфера — повседневность, в которой протекает жизнь каждого. Это привлекает к себе не только русского читателя. В английском справочнике «The Oxford Companion to English Literature» (1996) между статьями «Дж. Чосер» и «Ф. Честерфилд» помещена статья о Чехове: Англия признала его своим. Впрочем, не только Англия. Чехова знают во всем мире — Японии и Корее, Болгарии и Греции, США и Канаде, Франции и Германии... В его персонажах человек увидел себя, почувствовал родственную душу, одинокую, нерешительную, тоскующую, надеющуюся на спасительное «завтра» или ищущую отдохновения в воспоминаниях.

Однако мало сказать, что чеховские произведения — это зеркало, в котором человек узнает себя. По известным словам Льва Толстого, Чехов создал «совершенно новые для всего мира формы писания». Ему же принадлежит мысль, что у Чехова «все правдиво до иллюзий, его вещи производят впечатление какого-то стереоскопа. Он кидает как будто беспорядочно словами и, как художник-импрессионист, достигает своими мазками удивительных результатов»². Художественные открытия Чехова так многообразны, что даже емкая формула Толстого не исчерпывает его новаторства. Проблема многоаспектна и до сих пор не может считаться решенной. Вот почему возникла эта книга, составитель которой пытается высветить новые грани диалога писателя с традицией, показать, как под пером Чехова преобразуются значимые для культурного русского сознания проблемы, видоизменяются привычные жанровые формы, обретают новую жизнь старые, не раз использованные другими, сюжетные ситуации.

Издание предназначено студенту-филологу, который учится постигать самые сложные художественные явления. Кажущаяся простота прозы Чехова обманлива: она таит в себе множество загадок, тонкостей, смысловых оттенков. Заметить и понять их можно лишь при медленном, вдумчивом чтении его произведений.

Но сколь бы внимательно мы ни читали чеховские рассказы или повести, их смысловая плотность, их новое качество останутся

¹ Розанов В.В. Наш «Антоша Чехонте» // Розанов В.В. Соч. М., 1990. С. 428.

² Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1922. Т. 1. С. 23.